

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этнографической литературе уже довольно давно отрицается положение, согласно которому предметом исследования этнографии являются первобытные народы (общества). Основанием для этого служит тот факт, что на практике этнография изучает все народы, большие и малые, европейские и неевропейские, первобытные и цивилизованные, древние и современные. Мы не собираемся отрицать этот факт. Мы лишь говорим, что он не атомарен, что он имеет очень сложную историческую структуру. Во-первых, необходимо различать понятия народа и понятия культуры, во-вторых — понятие предмета и объекта исследования. Имя «народ» имеет значение «протопонятия» предмета этнографии, отражающее момент первичного указания на ее предметную область (ситуация отделения «истории народов» от «истории государств»), когда само указание еще не очевидно.

Как гласит теория науки, «в церемонии „первого крещения“ закрепление указания может происходить по случайному свойству, хотя в дальнейшем выявляются необходимые и существенные свойства указываемого объекта» [Петров 1977 : 19]. Именно в ходе развития системы исторических коммуникаций внутри этнографии (т. е. теории этнографии) становится очевидным, что действительным предметом ее исследования является культура как совокупность реально существующих результатов абстрагирующей деятельности человека (предметов, вещей, явлений). Конкретизацией понятия культуры как предмета исследования этнографии выступает представление о тех

аспектах культуры, которые ассоциируются с отсутствием письменности. Поэтому окончательное определение этнографии как особой науки связано с понятием бесписьменной, традиционной культуры, основанной на устной передаче информации, способом хранения которой являются не знаки (письмо, застывшее говорение), а символы (образ, изображение). В сущности утверждение, что этнография — это «наука о народах», возвращает нас к тем временам, когда этнография только зарождалась как особая научная дисциплина.

Этнос — объект исследования этнографии. Что это значит? По определению Б. С. Грязнова, объектом научного исследования является не сам предметный мир (для нас культура. — П. Б.), такой, какой он есть, а свойства и отношения этого предметного мира, зафиксированные субъектом исследования. В качестве объекта эмпирического исследования этнос выступает как отдельная культура («культурный круг»), в качестве объекта теоретического исследования этнос «испаряется» до простейшей абстракции сходства/различия культуры. Это совпадает с сущностью бесписьменной («первобытной») культуры как логического антипода письменной культуры, стремящейся к унификации, снятию внутренних и внешних различий. Подобное понимание этноса скрывается во всех существующих определениях. Выявить, эксплицировать его ученым мешает только недоверие к абстрактным формам научного мышления или неумение их применять. На практике термин «этнос» в литературе приобретает несколько значений — от наиболее конкретного в виде обыденного представления о народе до наиболее абстрактного в виде понятия различия в культуре. Наиболее ходовым является понятие этноса как «отдельной культуры».

Предлагаемый подход к определению предмета и объекта этнографии позволяет несколько иначе, чем прежде, сформулировать несколько других проблем, которые сопровождают этнографию на протяжении всей ее истории, выступая в роли средства интерпретации ее основных теоретических положений (поэтому мы не рассчитываем снять их полностью). В первую очередь речь идет о соперничестве этнографии (этнологии) и антропологии (проблема «этнография—антропология»). История показывает, что антропология как философское (теологическое) учение много старше этнографии как конкретной науки, но этнография по крайней мере на сто лет старше того

внутреннего для нее научного течения, которое именуется социальной или культурной антропологией. Отсюда два варианта (при их всевозможных смещениях): антропология является либо эквивалентом этнологии (пример — британская социальная антропология), либо эквивалентом культурологии в самом общем понимании слова, т. е. «любых теоретико-культурных исследований» (пример — американская культурная антропология). В последнем случае уместно привести слова Леви-Стросса: «Поражаешься тому факту, что американская этнология, утратив свойственное ей понимание предмета, согласна отказаться от узкоэмпирического, но точного и тщательного метода, которым она была вооружена ее основателями, в пользу часто страдающей упрощенчеством социальной метафизики и ненадежных способов исследования» [Леви-Стросс 1983 : 92].

Существует другая проблема, столь же масштабная и столь же неотступно преследующая этнографию с момента ее рождения. Это проблема «фольклор и этнография», во многом изоморфная проблеме «культурная—социальная антропология». отождествление понятий первобытной (традиционной) культуры и культуры бесписьменного типа в качестве предмета исследования этнографии снимает противоречие между вербальными и невербальными системами, поскольку и те и другие являются продуктом устной традиции в широком смысле слова и предметны по своей природе. Именно предметность вербальных систем в рамках традиционной культуры делает возможным исследование фольклора со стороны этнографии не только в качестве «этнографического источника» в устоявшемся понимании этого слова. Прежде всего анализ показывает, что не существует единой науки о фольклоре. Это связано с обоснованием двух самостоятельных предметов исследования — фольклора как народного художественного творчества и фольклора как явления культуры, которые находятся соответственно в ведении двух независимых наук, филологии и этнографии. Основная проблема заключалась в том, чтобы раскрыть понятие «фольклор как явление культуры». Решением этой проблемы является противопоставление текста и внетекстовой реальности, включающей в себя прагматические аспекты фольклора. Под прагматикой следует понимать только то, что вкладывалось в это понятие самим Ч. С. Пирсом, а именно: изучение отношений между знаками и людьми (интеллектом). В нашем

случае это означает отношения между фольклорным произведением и его исполнителем, а не между исполнителем и аудиторией.

Изменение представлений о фольклоре как части предметной области этнографии тесно связано с пересмотром самого понятия «этнографический источник». До сих пор считалось, что специфика этнографических источников определяется понятием «вещественные источники», что принципиально отличает их от исторических, или письменных, источников, которые использует нарративная история. Однако с помощью довольно несложных построений можно доказать обратное. Для этнографов источниками являются этнографические отчеты по результатам полевых исследований, т. е. тоже письменные источники. Здесь специфика этнографии, например, по отношению к истории состоит в том, что этнограф парадоксальным образом выступает один в двух лицах: и как автор хроники, и как историк. В свое время на этот парадокс уже обращал внимание выдающийся полевой этнограф Бронислав Малиновский [Malinowski 1922 : 3].

Последние главы посвящены конкретным задачам в области изучения фольклора и классификационных систем родства в рамках этнографического (прагматического) подхода. Это делается, в частности, для того, чтобы практически обосновать предлагаемую парадигму этнографических исследований с точки зрения стандартов постановки и решения научных проблем. Основным результатом можно считать новые методы табуляции волшебной сказки и создания диаграмм классификационных систем родства. Это позволяет свести все многообразие упомянутых явлений культуры к нескольким простейшим формулам или схемам, открывающим путь к дальнейшим структурным исследованиям на универсальной (общезначимой) основе.

В заключение остается перечислить элементарные структуры этнографии (немецко-российской научной традиции): «история и география», «история народов и история государств», «культура и общество», «традиция и современность», «прошлое и настоящее», «оригинал—реплика», «первооснова—пережиток», «своя—чужая» культура, «близкая—далекая» культура. В основе так называемой антропологии (более поздней англосаксонской традиции) лежит другой метод самоопределения, когда предмет исследования структурируется с помощью противопоставления другим наукам: биологии, психологии, со-

циологии. Таким образом, этнография определяет свой предмет исследования «изнутри», антропология — «извне». На практике это означает, что этнография строит предмет, антропология разрушает. На немецко-российскую традицию, насчитывающую уже более двух с половиной столетий, не смогла оказать серьезного влияния даже марксистская идеология. Нет смысла изменять ей и в настоящее время, когда над нами уже не довлеет необходимость использовать те или иные трафареты, не имеющие прямого отношения к проблеме роста научного знания. Тем более нет смысла менять их на новые трафареты примерно такого же происхождения, но с другим знаком.